Фанфик кинофильма (именно кинофильма) "Метель"

И вы не узнаете меня? - воскликнула Маша.
Бурмин всматривался в лицо Маши. Недоумение от слов ее сменилось пониманием. Но нет, он не мог ея узнать: слишком невнимателен он был тогда. Игра теней от свечей в полутемной церкви, его жестокая игра, помешали разглядеть ту, которая волей Божьей и преступным небрежением Бурмина, невольно стала его женою. Имен священник не произносил, торопясь завершить обряд. Или Бурмин не расслышал. Или имя жениха было такое же, как его …Но когда он утром проснулся за много верст от церкви, все вообще показалось ему дурным сном. По молодости чего только не творишь и прощаешь себя с легкостию…
И только позже, рискуя жизнью на войне, к Бурмину остро пришло понимание ценности жизни и ответственности перед Богом за все свои поступки. Ведь он мог предстать перед Всевышним в любой момент. И тогда только открылась ему вся низость совершенного. Все довоенные кутежи, легкомысленное поведение с барышнями и дамами (однако не доходившее до крайней черты) померкли перед совершенным проступком. Бурмин поначалу пытался уговорить себя, что все ему привиделось. И что все это понарошку: священник ведь не мог записать в книгу церковную данных Бурмина, поскольку не знал их. А там не только имя, фамилия, отчество, но и место жительства, сословная и владельческая принадлежность, национальность, вероисповедание жениха и невесты, их возраст; для каждого супруга отмечалось, каким браком он венчался (первым, вторым, третьим)\
«Раз нет в книги записи о венчании, то нет и самого венчания!» - радовался Бурмин.
Но успокоение таким образом было не долгим: вокруг аналоя ходили, крест целовали, священник мужем с женою объявил. Надо бы разыскать девушку, повиниться. Но храбрый в бою, тут он храбрость всю свою терял и затягивал узел греховного поступка все туже и туже.
"Идёт война, я далеко от Родины. Может, я погибну, и освобожу ея так от церковных уз!»
«Но как же она узнает об этом» - шептала ему совесть. «Ты погубил жизнь ея! И будет тебе за это расплата».
Товарищи заметили перемену в Бурмине. Веселый гуляка, волокита, циник стал нелюдим и задумчив. И вдруг стал сторониться женщин. Даже бойкие француженки не могли похвастаться его вниманием. Но война по-разному накладывает свою печать на участников ея. Товарищи Бурмина все списали на нее.
Война окончилась и Бурмин остался жив, и только ранен. Войска торжественно возвращались на Родину. Бурмин понимал, что рана - не искупление. Он решил по выздоровлению, оставить полк, выйти в отставку и запереться в глуши. Тем удивительнее было увидеть, что дом, в котором определили его на постой, управляется молодой девушкой, тоже практически заточившей себя в глуши. Она не кокетничала, не искала его общества, да и на бал в город выехала только один раз, по случаю квартирования войск. Мать ея, конечно, посматривала на Бурмина с надеждою в глазах. Но он привык к таким взглядам со стороны матушек девиц на выданье. Сама же Мария Гавриловна почти не разговаривала с ним. Она часто бывала одна: читала, или музицировала. При этом без показных вздохов и многозначительных взглядов в его сторону.
Бурмин поначалу обрадовался! Общаться просто и без второго смысла стало для него отрадою. Но вдруг желание постоянно видеть Марию Гавриловну, просто чувствовать рядом ее молчаливое присутствие стало необходимостью. Разговоры между ними если и были, то без романтического подтекста. А часто - вообще бытовые. Говорили о поместьях. Сравнивали урожаи, жизнь своих крестьян. Причем без уклона в модного Руссо. И это оказалось так сладко, так хорошо.

Часто мужчина завлекает женщину показным равнодушием и ловит в силки свои. Милый автор повести сам говорил: "Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей". И говорил, и писал и сам пользовался сиим маневром. Женщинам редко удавалось таким образом возбудить к себе интерес. Да и Бурмин видел, что со стороны Марьи Гавриловны это не записное кокетство. И что даже какой-то интерес к нему от Марьи Гавриловны есть. Но он никак не мог определить природу его. Маша сторонилась его. Но, однако ж, когда он приглашал ее прогуляться, то не отказывала. Была с ним проста и мила. Больше молчала. Ничего о нем не выспрашивала. Он сам рассказывал ей о своей жизни. Обходя молчанием главную тайну свою. А часто они просто молчали и им было хорошо и молча.
И так Бурмин привык к жизни такой, что почитал ее уже естественной и вечной. И только скорая разлука вдруг заставила очнуться и понять, что он влюблен.
Влюблен по-настоящему. "Боже, вот расплата моя!" - осознал Бурмин. «Я не могу быть с той, с которой хотел бы провести всю мою жизнь". Бурмин решил оставить решительное объяснение до самого момента расставания, чтоб не терять возможность видеть Марию Гавриловну до своего отъезда. Он утешал себя, что может не нанесет ей большую сердечную рану своим признанием, раз она не влюблена в него.
Денщик разузнал для барина среди дворовых возможную причину одиночества и отстраненности барышни. Люди сказывали, что был у нее жених из бедных дворян. Что родители были противу их свадьбы. А потом, вроде и согласны уже. Но уехал он на войну и погиб там. Бурмин сам только с войны, сам мог там погибнуть. И печаль Марии Гавриловны по жениху понимал. Это доказывала только чистоту ее души, и верность сердца. "Даже хорошо, что она его еще любит!" - думал Бурмин. Пусть страдать от вынужденной разлуки буду только один я. Только я буду расплачиваться за преступную шалость мою". В порыве обличения себя и жалости к себе, Бурмин на время забывал, о том, что расплачиваться приходиться еще и неизвестной девушке. Но влюбленные эгоистичны. Они думают только о себе и о предмете страсти.
« И вы не узнаете меня?» - воскликнула Маша. Бурмин не мог узнать. Он, не понимая, всматривался в лицо Маши. Та, молча смотрела на него, не в силах сказать еще чего либо. Лишь глаза наполнились слезами. Бурмин смотрел и смотрел. И та, ночь с метелью, стала возвращаться к нему в образах. Возвращалась все, что он, казалось, забыл и крепко запечатал в своей памяти....
Догадка, как говорят в романах, пронзила его. Он молча упал перед Марьей Гавриловной на одно колено и склонил покаянно голову. Маша уже не могла сдержать слез. Она понимала, что поступает противу всяких правил: нельзя показывать чувства свои, это – непрелично. Но вся тяжесть тайны этих лет вымывалась слезами и она не могла их остановить. Бурмин, не вставая с колен,взял ее руку и поцеловал.
«Дорогая Марья Гавриловна! Простите меня! Простите! Разрешите загладить свою вину! Дайте мне счастие - стать моей женою!»
«Я итак ваша жена....Уже более трех лет... - горько молвила Маша. «Вы - разбили мне жизнь»…
«Не говорите так! Вы - мое счастие! Я заслужу вашу любовь! Я сделаю все!»
«Барин! Барин!» - послышался издалека крик денщика. – «Надобно ехать!»
«Как? Уже?» - встрепенулась Маша и выдала себя тем, что Бурмин не так уж ей и безразличен.
«Марья Гавриловна! Машенька! Позвольте называть вас так!» - Бурмин встал с колена и притянул Машу к себе. Чтоб он не видал ее покрасневшего заплаканного лица, она низко склонила голову.
«Милая, дорогая Машенька! Зачем я ждал так долго с объяснением! Мне сейчас надобно ехать! Полки выступают! Обещайте, что простите меня! Что будете ждать меня, и думать обо мне!»
Бурмин страстно поцеловал склоненную голову Маши. «Жена! Жена моя!»
«Барин! Барин!» - снова послышалось, уже ближе.

Маша взяла Бурмина за руку. Они быстро пошли по дорожке по направлению к усадьбе. Бурмина и Машу переполняли бурные чувства, рвущиеся наружу! Они не могла сказать ничего вразумительного. Никакие французские романы (а мужчины тоже их читают) не приготовляли к такому.

Маша давно ждала объяснений от Бурмина. И понимала, что ранит его своим отказом. Он, ведь, тоже нравился ей. Но она была связана тайным венчанием неизвестно с кем, и жизнь ее была кончена, как она полагала. Противу Бога никогда бы она не пошла. И преступницей быть во втором брака при живом, но не известном ей муже, не стала бы. Она не могла поделиться сей тайной с матушкой, понимая, что это убьет ее. Она могла только молча плакать в ее объятиях, когда та рассуждала о желательном браке Маши и ожидаемых внуках. Что она могла сказать доброй матушке? Будучи, верной христианкой, Маша полагала, что навлекла на себя гнев Божий, решив пойти противу родительской воли, преступив приличия и решившись на тайное венчание, которое обернулося бедою.

А что при этом Маша ждала объяснений от Бурмина, так что ж! Всякой женщине приятно, что она является пределом мечтаний. Это притупляло боль от потерянного счастия.

Бурмин и Маша, запыхавшись, почти взбежали на террасу. Старая добрая матушка уже стояла там с иконою. Сердце родительское подсказало ей, что должно быть объяснение. Она и мысли не допускала о том, что объяснение могло закончиться иначе. Все время объяснения она провела на террасе, с нетерпением вглядываясь в сад. Слуги, по ее просьбе, принесли икону и сами толпились рядом, переживаю за барыню и барышню. Бурмин и Маша, остановились, не зная, что и сказать матушке. Та подняла икону.

"Благословите!" - упал Бурмин на колени, увлекая за собой Машу.

"Благословите, матушка!" - прошептала Маша.

«Барин, пора!» - денщик уже был рядом. Звуки полкового оркестра приближались.

"Маша, Машенька!» - Бурмин, уже не таясь, поцеловал заплаканную Машу и заторопился со двора.

"Вот и все? Как же теперь? Что же теперь? - растерянно повернулась Маша к матушке.

«Все хорошо, Машенька! Господь управит! Надо готовиться к свадьбе!» - передала матушка икону слугам.

«К свадьбе? Матушка, пойдемте со мной. Мне надо открыть вам тайну»...- Маша решительно двинулась в комнаты.

Матушка, еле сдерживая сердцебиение, поспешила за Машей. Картины одна страшнее другой вставали у нее перед глазами. Что могла подумать честная женщина? Что Маша поверила Бурмину до свадьбы и он воспользовался ее доверием? Но он же попросил благословения! А заплаканная Маша? Может ей пришлось уговаривать его не позорить честное имя девушки, и он может теперь не сдержать слова. Бедная женщина уже была чуть жива, пока дошли они, наконец, до комнаты Маши. Без сил опустилася она в кресло.

"Матушка, простите меня! - бросилась Маша перед ней на колени. « Свадьбы не будет!"

"Дитя мое! Да что же случилось? Расскажи мне все!"

"Сейчас я могу сказать уже вам, матушка! Страшное, что могло погубить жизнь мою, разрешилося неожиданным образом! Я сама не верю такому исходу дела! Постойте, соберусь силами сказать вам, ибо тайна моя угнетала меня и лишала воли к жизни"

"Соблазнил все-таки - испугалась старушка,- Маша такая доверчивая! Душа бесхитростная! Голубка моя! Говорили, что опасный он был человек для женского пола ! И многим сердца разбил! Но не оставит нас Господь! Может, все еще хорошо сложится"

Но к тому, что рассказала ей Маша матушка готова не была. Смотрела она на дочь свою и не узнавала ея. Её или это Маша? Разве ее кроткая дочь могла быть способна на такое?

"Как хорошо, что батюшка не узнал!" только и смогла сказать старушка.

"Да, маменька! Потому я и молчала!Я уж думала, что кончена жизнь моя. И справедливо думала. Я обманула Ваше доверие и была жестоко наказана".